

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
№ 7 (43) «2011

Председатель редакционного совета:

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Заместитель председателя редакционного совета:

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского университета профсоюзов.

АРШИНОВ Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом Института философии Российской академии наук.

БОНДЫРЕВА Светлана Константиновна — доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, ректор Московского психолого-социального института.

ГИРЕНКО Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ГУБМАН Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблемы глобализации.

ИЛЬИНСКИЙ Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета.

КОФМАН Андрей Федорович — доктор филологических наук, заведующий отделом Института мировой литературы Российской академии наук.

ЛАПИН Николай Иванович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии Российской РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

МИРОНОВ Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета.

ОИЗЕРМАН Теодор Ильич — академик Российской академии наук.

ПОДОРОГА Валерий Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института философии Российской академии наук.

РЕЗНИК Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала "Личность. Культура. Общество".

СМИРНОВ Андрей Вадимович — член-корреспондент Российской академии наук.

СТЕПИН Вячеслав Семенович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, академик-секретарь Отделения общественных наук Российской академии наук РФ.

НЕРЕТИНА Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук.

ХАРИТОНОВ Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества.

ФИЛАТОВ Олег Константинович — доктор педагогических наук, профессор.

ШЕСТОПАЛ Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО).

ЧУМАКОВ Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

шеф-редактор — **Василий Иванович Даниленко**;
главный редактор — **Павел Семенович Гуревич**;
заместитель главного редактора — **Эльвира Маратовна Спирина**;
ответственный секретарь — **Елена Георгиевна Руднева**.
Редактор: **Н.П. Николаев**, корректор: **Н.Ю. Тушнова**,
верстальщица: **О.В. Панова**.

Решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации журнал «Философия и культура»
включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов ВАК.
Издание рекомендовано для опубликования основных результатов
диссертаций на соискание учёной степени
доктора наук и кандидата наук.

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES
PHILOSOPHY AND CULTURE
№ 7 (43) «2011

Chairman of the Council of Editors:

GUSEINOV Abdusalam Abdulkarimovich — Doctor of Philosophy, professor, member of the Russian Academy of Sciences, director at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Vice-Chairman of the Council of Editors:

ZAPESOTSKY Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Studies, professor, honored scientist of the Russian Federation, honored artist of the Russian Federation (vice-chairman of the Council of Editors), member of the Academy and Presidium at Russian Academy of Education, rector of the St. Petersburg University of Labor Unions.

ARSHINOV Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, professor, head of the department at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

BONDYREVA Svetlana Konstantinovna — Doctor of Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education, rector at Moscow Psychological and Social University.

GIRENOK Fedor Ivanovich — Doctor of Philosophy, professor, assistant head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

GUBMAN Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, professor, assistant head of the department at State University of Tver.

DELYAGIN Michael Gennadevich — Doctor of Economics, Director of the Institute of Globalization Issues.

ILYINSKY Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, professor, rector at Moscow University for the Humanities.

KOFMAN Andrey Fedorovich — Doctor of Philology, head of the department at Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

LAPIN Nikolay Ivanovich — Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

LEKTORSKY Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, professor, member of the Russian Academy of Sciences, head of the Division of Theory of Knowledge at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

MIRONOV Vladimir Vasilievich — Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, dean of the Department of Philosophy at Moscow State University.

OYZRMAN Teodor Ilyich — member of the Russian Academy of Sciences.

PODOROGA Valery Alexandrovich — Doctor of Philosophy, professor; head of the division at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

REZNIK Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, chief research assistant at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the Personality. Culture. Society Journal.

SMIRNOV Andrey Vadimovich — corresponding member of the Russian Academy of Sciences, assistant director at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

STEPIN Vyacheslav Semenovich — Doctor of Philosophy, professor, member of the Russian Academy of Sciences, academic secretary of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences of the Russian Federation.

NERETINA Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, chief research assistant at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

HARITONOV Alexander Nilovaeich — PhD in Psychology, associate professor, president of the Russian Psychoanalytical Society.

FILATOV Oleg Konstantinovich — Doctor of Pedagogy, professor.

SHESTOPAL Aleksey Viktorovich — Doctor of Philosophy, professor, head of the department of philosophy at Moscow Institute for International Relations (MGIMO).

CHUMAKOV Alexander Nikolaevich — Doctor of Philosophy, professor, President of the Russian Society of Philosophers.

EDITORS OFFICE:

Editorial director — **Vasily Ivanovich DANILENKO**;
Editor-in-chief — **Pavel Semenovich GUREVICH**;
Assistant editor-in-chief — **Elvira Maratovna SPIROVA**;
Executive secretary — **Elena Georgiyevna RUDNEVA**;
Editor: **Nikolaev, N. P.**, proof-reader: **Tushnova N.Y.**,
design by **Panova O.V.**

Based on the decision of the Presidium of the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of Russia, 'Philosophy and Culture' journals have been included in the list of the leading peer-reviewed journals containing publications of post-graduate students seeking Candidate's and Doctor's degrees.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

Традиция как гарант стабильности.....4

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Интервью с член-корреспондентом Н.И. Лапиным
с его 80-летием.....8

Поздравления профессора К.М. Долгова
с 80-летием.....10

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

А.С. Запесоцкий

Вячеслав Степин и его теория культуры.
Часть IV. Окончание.....11

СУДЬБЫ И КОНТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Н.В. Клягин

Инфантильная наука.....19

МАТЕРИЯ И ДВИЖЕНИЕ

А.Д. Урсул

Существует ли материя без движения?.....30

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

И.В. Деклерк

Натуралистические концепции
социально-коммуникативной общности.....43

МУКИ КОММУНИКАЦИИ

Т.А. Горелова

"Свои" и "чужие": кто они?.....50

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ

В.Н. Порус

Философия — пространство свободы.....62

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Д.П. Козолупенко

Причинность и коллективная память
в мифопоэтическом и аналитическом типах
мировосприятия.....72

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ

М. Джексон

Экзистенциальные императивы.
Перевод М.А. Султановой.....84

ЦЕННОСТЬ И ИСТИНА

В.М. Розин

Идентифицирую ли я себя как сторонника
либеральной доктрины?.....95

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

С.С. Неретина

Личные местоимения
как философская проблема.....104

РУБЕЖИ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

П.А. Ольхов

Историзм М.М. Бахтина
и современные проблемы эпистемологии
исторического знания.....116

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

А.Н. Мочкин

"Третий путь" Мёллера Ван Ден Брука.
Взгляд справа.....125

ЭТИКА

А.В. Прокофьев

Этика ненасилия как бегство
от нравственного риска.....137

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

В.В. Морозов

Адаптивная функция
социализации образования.....150

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

Ю.П. Михаленко

Дюпон Де Немур:
распространение физиократических идей
в условиях борьбы европейских держав
за преобладание.....155

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

"Но правды нет и выше...".....183

Т.М. Махаматов, А.В. Волобуев

Презентация журнала "Гуманитарные науки".....189

REVIEWS AND KEY WORDS.....191

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....195

ABOUT THE AUTHORS.....197

ТРЕБОВАНИЯ РЕДАКЦИИ

К СТАТЬЯМ ЖУРНАЛА

«ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА».....199

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ

В.Н. Порус

ФИЛОСОФИЯ - ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ

Аннотация: философия есть особая интеллектуальная и духовная активность, направленная на выяснение условий, форм и смысла человеческой свободы. В этом смысле всякая философия есть философия свободы. О чем бы ни размышлял философ, он в конечном счете думает о человеке, а следовательно, о культуре, основу которой составляет сложная структура ценностей. Свобода — важнейшая из них. Все прочие культурные ценности так или иначе соотносятся с ней, обретая в этом свой «онтологический статус».

Ключевые слова: философия, культура, свобода, субъект, личность, самоидентификация, познание, ценность, история, рациональность.

Почти всякий разговор о свободе, ведомый нынешними философами, как правило, сводится к нескольким модулям. Самый респектабельный — модус, в котором вспоминают, что и как о свободе говорили великие и популярные — от Аристотеля до С. Жижека или А. Дугина. Такой разговор приятен и приличен, а бывает, и небесполезен. Такой модус обычно предпочитают историки философии. В другом модусе разговор о свободе ведется в экзистенциальной тональности: речь о *переживании свободы*, а коль скоро оно глубоко интимно, облечь его в словесные формулы почти невозможно, и понимание, если достигается, то благодаря эмпатии. Польза от этого модуса — скорее психотерапевтическая, но можно сказать, что он выполняет и социальную функцию, сближая родственные философские души. Разговор в третьем модусе, если его послушать «со стороны», мог бы показаться репетицией митинга, на котором и банальность привлекает внимание, если ее произносит некто, обладающий харизмой и умеющий разогреть уже готовую к разогреву публику. В таком модусе фразы типа: «свобода лучше несвободы», «свобода — благо, за которое не жаль отдать жизнь», «это сладкое слово — свобода» и т.п. — разбухают

смыслом «в контексте», а вне контекста — ссыхаются до затертой пошлости. Иногда философы говорят о свободе как политики, предприниматели, обыватели, поэты или администраторы («Свобода каждого — условие свободы всех», «Рубль отпущен в свободное плавание», «Free love is my dream!», «Свободу Юрию Деточкину!», «Я свободен, словно птица в вышине!», «Даешь свободные и честные выборы!», «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!», «На свободу — с чистой совестью!», «Arbeit macht frei!» и далее со всеми остановками). Но тогда что же делает их разговор философским? Видимо, философские реминисценции: рассказ стоиков о судьбе, влачащей непокорных, лютеровскую анафему свободе воли, кантовскую «свободную причинность», Спинозо-Гегельянскую свободу, неотличимую от познанной необходимости, марксову свободу каждого, что является условием свободы всех, Беме-Бердяевскую метафизику «безосновной свободы», сартровский знак равенства между свободой и человеком, натуралистические трактовки свободы воли как неизжитой иллюзии, а то и аналитические попытки сделать свободу предикатом, употребление которого свободно от парадоксов. И многие прочие.

Доклад на научно-теоретической конференции «Философия свободы» (НИУ-ВШЭ, факультет философии, 14-15 июня гон г.) подготовлен в рамках франко-российского исследовательского проекта «Проблема «Я»: традиции и современность», поддержанного Центром фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ, ТЗ 50.0, 2011 г.

Философия свободы

Вот и я вступаю в такой разговор. И хочу сказать: философы всякое свое утверждение (а не только о свободе!) располагают в пространстве свободы, и если это не удастся, перестают быть самими собой. Философия есть особая интеллектуальная и духовная активность, направленная на выяснение условий, форм и смысла человеческой свободы. В этом смысле *всякая философия есть философия свободы*. Даже если философы с этим не согласны.

Собственно, этому и посвящен мой доклад. Я организую его как сопоставление аргументов из старого диалога двух старых (увы!) друзей-спорщиков — Вадима Михайловича Межуева и вашего покорного слуги¹. И это вовсе не потому, что мнения других участников очных и заочных философских дискуссий о свободе здесь игнорируются. Отнюдь нет. Но пересказ-перебор этих мнений все равно был бы субъективен и неполон, хотя бы потому, что им несть числа. Да и цель моя не в том, чтобы рассматривать проблему свободы во всей ее широте, стремясь к недостижимой полноте. По сути, разговор о свободе здесь — повод к тому, чтобы еще раз изложить свой взгляд на цели и ценности занятия философией в наше время.

Итак, вначале — слово В. М. Межуеву (если оно в каких-либо деталях будет передано ошибочно, вся ответственность, естественно, на мне).

В своем докладе на Ученом совете Института философии РАН 29 октября 2007 г. он, итожа свои многолетние размышления, сформулировал весьма обязывающее положение о предмете и характере философствования.

«Современное философское мышление, — сказал он, — носит не столько систематический, сколько критический характер, исповедуя в качестве абсолютной ценности только ценность свободы. Короче, все, что существует в культуре, с которой я себя отождествляю, по необходимости, независимо от меня, — предмет науки, что предопределено в ней свободой человека — предмет философской рефлексии. Традиция, положившая в основание культуры индивидуальную свободу и сделала возможной появление философии в составе этой культуры»².

Высказывание полемичное и намеренно «подставленное» под критику. В самом деле, такое понимание философии — в конфликте не только с разделением труда внутри философского цеха (где каждый производственный уголок имеет свою вывеску и свои границы: философия познания (гносеология), философия бытия (онтология), социальная философия, философия истории, философия языка, философия науки в целом и целый отряд философий отдельных наук (физики, математики, биологии, географии и т.д.), философия религии, философия культуры, философия искусства... В.К. Шохин даже придумал название для таких спецуголков: «философии родительного падежа»³), не только с тем, что привыкли говорить о происхождении философии ее историки, но и с традицией, по которой философам тошно слышать о каких-то ограничениях их мыслительной активности, да еще и столь туманных: разве здесь не просматривается логический круг — философская мысль ограничивается сферой свободы, а сферу свободы определяет опять же философское размышление!?

Критика критикой, всю не обозришь, она ведь тоже бывает разной, когда — серьезной, когда — пустяковой, но разобраться в том, что критикуют, все-таки надо. Прислушаемся. К своему пониманию философии В.М. Межуев приходит, размышляя над «идеей культуры».

«Открытие свободы в мире природной и всякой иной необходимости и стало причиной последующего обретения культурой в сознании людей своей собственной территории и границ. Свободу можно понимать по-разному: как состояние души («пока свободой горим»), как далеко отстоящий идеал или желаемую цель, как политическую свободу от власти тиранов и деспотов, но культурой она становится тогда, когда получает наглядно предметную форму существования. Увидеть в мире нечто такое, что порождено исключительно человеческой свободой, — это и значит открыть в нем культуру. Культура существует в этом смысле только для человека,

¹ Этому диалогу уже немало лет. См., например, панельную дискуссию с нашим участием в журнале «Эпистемология & философия науки» (2005. Т. 3. № 1).

² Межуев В.М. Если человек не нуждается в свободе, то и философия ему ни к чему... // Новая газета. Научно популярное приложение «Кентавр». 2007. № 6.

³ Шохин В.К. Философии родительного падежа и междисциплинарные исследования: возвращение к дискуссии // Эпистемология & философия науки. 2010. Т. XXVI. № 4. С. 53-62.

осознавшего себя свободным, является как бы его отражением в вещах и предметах внешнего мира»⁴.

Отвлечемся на момент и зададим вроде бы наивный вопрос: «А что значит «осознать себя свободным?». Если сюда вложен не только смысл *осознания через непосредственное переживание* (человек в наручниках *живет* иначе, чем без них, а не только *понимает* свою несвободу), а еще и способ самоопределения через *рациональную рефлексию*, то осознание своей свободы (или несвободы) приходит к человеку, когда он стоит перед каким-то значимым для него выбором и этот выбор зависит от него, а не навязан ему внешними силами или обстоятельствами (это называют еще «свободой воли», вкладывая в этот термин множество разных нюансов, часто затрудняющих его простое и очевидное понимание). Следовательно, проблема свободы может быть (в какой-то мере) сведена к проблеме выбора, которую решает сознательный и психически здоровый человек, когда у него есть «пространство выбора», то есть ряд возможностей, какие ему надо актуализировать⁵.

Заметим, что в громадном большинстве случаев (если не во всех!) делаемый нами выбор можно объяснить, не прибегая к понятиям «свобода» или «воля». То есть, когда мы говорим, что выбор свободен, нас можно уличить в том, что мы принимаем иллюзию за действительность. Но человеку бывает очень важно *считать свой выбор свободным*, а потому он пропускает мимо ушей подобные уличения. Например, человек, голосующий за какую-то партию или за кандидата в президенты, может искренне полагать, будто его выбор свободен (никто же не водит его

рукой, когда он ставит галочку в избирательном бюллетене!), хотя выбор его вполне можно объяснить манипулированием, какому подвергается его «электоральное сознание», хотя бы сам избиратель об этом не имел никакого представления. Но тем не менее, лозунг «свободных и честных выборов» имеет множество ревностных сторонников.

Еще раз: то, что выглядит как проявление свободы, может быть объяснено как раз нашей несвободой, возможно, неизвестной или скрываемой. Можно указать и на случайность выбора, которую уж никак не сравнить со свободой. Но подобное объяснение не всегда приемлемо. Ну, хотя бы потому, что оно как-то *унижает* нас, противно *нравственному чувству*. Не так ли? Мы, приняв такое объяснение, упали бы в собственных глазах, потеряли бы к себе уважение, испытали «фрустрацию», если угодно. Что-то похожее, кажется, почувствовало множество людей, узнав от Дарвина и его последователей, что свое происхождение надо вести от обезьян, а к событиям, происходившим в шестой день Творения, относиться аллегорически, и это еще в лучшем случае. Если так, то «свобода» (как ни понимать ее «онтологически») является для нас *ценностью*, и что бы там ни толковали «детерминисты» или «фаталисты», мы от этой ценности отказываться не хотим, не можем, не станем — пока называем себя людьми.

Пространство выбора, в которой свобода яснее всего обнаруживает себя как ценность, это культура. И это — главный предмет размышления философа.

«В культуре, которую мы считаем «своей», многое, конечно, зависит от нашего происхождения, окружения, воспитания, но ведь многое зависит и от нас самих, от того, что мы считаем для себя важным и нужным. В культуре, доставшейся нам от наших предшественников, нас может многое не устраивать, вызывать отторжение, тогда как в культуре других народов мы можем находить для себя нечто интересное и полезное. В своем культурном бытии мы детерминированы, следовательно, не только внешней необходимостью, предписывающей нам с непреложностью природного закона определенную культурную нишу (подобно тому, как природные организмы распределены природой по классам и видам), но

⁴ Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 45.

⁵ «Выбор тем свободнее, чем полнее границы пространства выбора совпадают с границами пространства возможностей. Выбор абсолютно свободен, когда эти границы абсолютно совпадают. Он несвободен, когда границы пространства выбора «не дотягивают» до границ пространства возможностей или выходят за них. Итак, свобода выбора (строго отличаемая от свободы поступка) измеряется степенью совпадения множества познанных возможностей поступка с множеством объективно существующих возможностей» (Левин Г.Д. Свобода воли. Современный взгляд // Русский Гуманитарный Интернет-Университет. 2002. - http://www.i-u.ru/biblio/archive/levin_svobodavoli/).

и нашей свободой. Граница между «своей» и «чужой» культурами устанавливается не силой внешнего принуждения, а нашим свободным выбором»⁶.

Значит, если вообще говорить об «онтологии свободы», то только так: «свобода» существует как *культурная ценность*, ее нельзя элиминировать из этой онтологии (разговоры о том, что свобода часто обменивается на различные потребляемые блага, например, на «хлебы», как об этом рассуждал Великий инквизитор в философской легенде И.Ф. Карамазова, никак не затрагивают сути дела; когда свободой поступаются ради чего-то иного, она продолжает существовать как *утраченная ценность или преданный идеал*, ее онтологический статус при этом не падает, а, парадоксальным образом, еще более утверждается!). А если это онтологическое понятие, то его статус влечет за собой и соответствующую эпистемологию: исследование свободы есть методологическое и логическое обязательство философии культуры⁷.

Поэтому, идет далее В.М. Межуев, следует разграничивать науки о культуре и философию культуры. Первые используют свои, специфические и всеобщие, методы для того, чтобы выразить свой предмет в *понятии*, философия культуры занимается историческим развитием *идеи* культуры.

«Культура становится для нас реальностью не в силу своего фактического содержания, устанавливаемого опытным, эмпирическим путем, а в силу своей значимости для нас, которая фиксируется философом в ее идее»⁸.

Различение это требует развернутого описания. Но его можно показать на примере: вот перед нами проблема культурной идентификации. Как решает эту проблему ученый и как — философ?

Ученый (вернее, сообщество ученых-культурологов) проводит комплексное исследование, применяя социологические, этнологи-

ческие, лингвистические, психологические и другие методы. Такое исследование ничем, в сущности, не отличается от натуралистического: наблюдаются соответствующие факты, которые затем получают объяснение на основе принятой (научной) концепции культуры. И в итоге — решается всегда конкретный вопрос о культурной принадлежности (индивида или группы).

Философ действует иначе. Для него важен вопрос, на основании каких ценностных предпочтений индивид или группа относят себя к данной культуре⁹. Трудность проблемы в том, что человек или группа — не пассивные носители культурных признаков, а сознательно участвуют в их выборе. Для выбора, естественно, нужна свобода. Если ее нет, не будет и выбора. Чтобы свободно определить свое отношение к различным культурным ценностям, надо сравнивать их, а это возможно лишь тогда, когда человек или группа, принадлежа к некоторой культуре, признают существование иных культур, иных культурных ценностей. Значит, свобода в этой культуре — важнейшая ценность.

Вне культуры свобода не имеет ценностного смысла, и в то же время «культура в самом исходном своем определении — это все, что существует в силу и в результате человеческой свободы, является ее предметным воплощением»¹⁰. Культура, если ее понимать как совокупность идей и принципов, создающих и удерживающих в бытии «вторую природу» (или как «горизонт ценностей», которые будучи осознаны, выступают предельными ориентирами действий и мыслей), есть форма *самоосуществления субъекта*. Быть субъектом — для индивида или группы — это значит выходить за пределы своего наличного бытия по направлению к этим горизонтам. Как выразился В.С. Библер, «культура — это форма самодетерминации

⁶ Межуев В.М. Философия культуры. Эпоха классики. Курс лекций. 2-е издание. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2003. С. 25.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Этот вопрос, конечно, также может интересовать ученых. Но их исследование отличалось бы от привычной натуралистической схемы, поскольку опиралось бы на ценностные ориентации и предпочтения самих исследователей; здесь, скорее, можно говорить о «постнеклассической науке», но это отдельная тема (см.: Порус В.Н. Культурная самоидентификация как проблема эпистемологии // Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 130-150).

¹⁰ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 44-45.

индивида в горизонте личности»¹¹. Можно и «обернуть»: «"Личность"» есть для меня не какое-то наличное определение (X — личность, Y — еще не личность...), но некая регулятивная идея (горизонт) бытия индивидов в культуре»¹². Здесь — равенство между субъектом и личностью: в данном контексте они неразличимы. «Культура» и «субъект» составляют смысловую сопряженность. Культурные ценности, ориентирующие деятельность субъекта, выступают для последнего «горизонтами трансцендирования», то есть указывают направления, по которым субъект реализует свою способность становиться «больше, чем он есть», выходя за рамки своего «наличного бытия». Субъект — это процесс самостановления личности, ориентированный на культурные ценности как на предельные цели.

Итак, философ культуры размышляет над тем, как возможно сознательное обоснование субъектом своей культурной идентичности. И его размышление, как следует из сказанного, отлично от размышления ученого-культуролога. «Как соотносится свобода с научным разумом, совместима ли она с тем, что вырабатывается рациональным путем?»¹³. На этот вопрос история философской мысли давала разные ответы. В классической философии свобода связывалась с всеобщим истинным знанием («познанная необходимость»); в неклассическую эпоху свободу стали понимать как достоинство конкретного индивида, отдельного человека, которое обретается в самовыражении, в творчестве. Философия, отказавшись от роли «транслятора» идей трансцендентального субъекта, стала выражать собою опыт самознания эмпирического индивида.

Она «не просто констатирует факт наличия в мире свободы, но как бы служит наглядным доказательством и подтверждением этого факта — в виде, конечно, не художественного, а специфически философского творчества. Результат этого

творчества также объективируется в текстах, в языке, но не в том, на каком говорит наука и искусство. Это язык не научных понятий и не художественных образов, а особых символических образований, выражающих предельные (идеальные) для философствующего субъекта смыслы и значения. Возможно, создание такого языка и есть главный результат философского творчества»¹⁴.

Здесь и возникает вопрос: если философия есть самосознание культуры и в то же время — «опыт самосознания свободного индивида», то как соединить оба эти назначения? Между индивидом и культурой отношения далеко не идиллические, и свободное подчинение первого культурным универсалиям (т.е. «горизонтным ценностям») есть парадокс, редко осмысливаемый как «онтологическая антиномия», но слишком часто «разрешаемый» через «окультуривание» (если между жизненными притязаниями индивида и культурными ограничениями этих притязаний возрастает опасная — и для индивида, и для культуры — напряженность). А это значит, что культура — узда, сброшенная на индивидуальное своеволие. И культурные ценности могут стать «кумирами», которым поклоняются, пока ждут от них милостей и благ, а не дождавшись — разбивают.

«Все старые — или вернее, недавние прежние — устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, изобличая если не их ложность, то их относительность; и отныне нельзя уже построить своей жизни на отношении к ним. Кто ориентируется только на них, рискует, если он хочет продолжать верить в них, потерять разумное и живое отношение к жизни, духовно сузиться и окостенеть, — а если он ограничивается их отрицанием — духовно развратиться и быть унесенным потоком всеобщей подлости и бесчестности»¹⁵.

К этим словам С.Л. Франка, написанным тогда, когда «крушение кумиров» стало индексом эпохи, нечего добавить, кроме того,

¹¹ Библер В.С. Культура. Диалог культур // Библер В.С. На границах логики культуры. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 227.

¹² Там же.

¹³ Межуев В.М. Философия в системе знания о культуре // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. 3. № 1. С. 50.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 114.

Философия свободы

что среди разбитых кумиров оказался и кумир свободы, избалованный в своей бесполезности, а из его обломков недавние пленники гибнущей культуры пытались слепить новый кумир (как это у Блока: «Свобода, свобода... Эх, эх, без креста!»), новую свободу, о которой пел Бумбараш:

*Дрожи, буржуй, настал последний бой.
Против тебе весь бедный класс поднялся,
Он улыбнулся, засмеялся, все цепи разорвал,
И за свободу бьётся как герой.*

Но посредством бумбарашевской философии свободы нельзя прийти к добровольному и рациональному взаимопониманию и согласию людей. Новые кумиры — новые жертвоприношения, новые цепи — прочнее старых, а вновь закованным героям — не до смеха. Свобода каждого регулярно подавляется якобы во имя свободы всех. Ценность свободы девальвируется, переходя из сферы реальных жизненных ориентации в сферу отвлеченного умствования и там превращается в пустую оболочку, в слово, за которым уже нет идеи, зато, как за ширмой, удобно устраивается циничное презрение к бывшему смыслу, желание устроить *свою* свободу за счет урезания и оскорбления свободы *других*.

«Любое общее будет восприниматься в данной ситуации как угроза свободе, как проявление господствующей над индивидом власти обезличенного целого. На этом, собственно, и основывается постмодернистская стратегия разрушения всякой устойчивости и стабильности, всякой всеобщности и универсальности, превращающая философию в арену конфронтации сталкивающихся между собой интерпретационных логик (паралогизмов), в экспериментальную площадку для проведения разного рода языковых игр и словесных баталий»¹⁶.

А вот и поистине удивительное превращение: свобода, эта главная ценность культуры, может стать тем, что культура «навязывает» человеку, *принуждает его быть свободным*! Свобода, как известно, сладкое слово. Но из-

вестно также, что нет более тяжкого бремени для человека. Как писал А.И. Герцен, «опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы»¹⁷. Великий Инквизитор, мы помним, даже обвинил Спасителя в том, что Он требует подвига свободной любви и веры от сильных, забыв о слабых, коим свобода не по плечу и вовсе не надобна, ибо она не заменяет хлеба насущного. И вот уж какое тысячелетие люди не деспорят, какая свобода желанна и благодетельна, а какая излишня и пагубна. И конца спору не видно, хотя, кажется, что все возможные слова «от Ромула до наших дней» об этом уже сказаны.

Но вернемся к философии. Проблема ее ценности заостряется предельно. Кому и зачем она нужна? Даже та сфера, в которой она, казалось бы, «у себя дома», сфера размышлений о свободе, оказывается местом, где рушатся ее надежды. Если ценность свободы, как и другие культурные ценности, суть иллюзии, симулякры, то философии остается не более, чем меланхолическая констатация (то, что при этой плохой игре философы делают хорошую мину, т.е. неплохую карьеру, дела несколько не меняет!). На брошенные ею котурны шустро карабкаются выползшие из своих убежищ, где они пережидали пролонгированную эпоху Просвещения, разнообразные эзотерические формы общения людей с миром и друг с другом, мифы, теперь снабженные новыми мощными технологиями воздействия на массы, идола и призраки пещеры и рынка, всю резвящиеся на псевдо-культурных пространствах, из каких выветривается дух философии.

И что в итоге? В. М. Межуев заключает:

«Я не берусь судить о том, какой именно должна и может быть современная философия. Но само ее существование будет зависеть от того, в каком мире мы будем жить в ближайшем будущем. Если свобода — это миф, иллюзия (а для такого мнения в настоящее время есть, казалось бы, много оснований), конец философии неизбежен... Судьба философии, с этой точки зрения, есть лишь показатель судьбы той культуры, целью и смыслом которой была

¹⁶ Межуев В.М. Философия в системе знания о культуре // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. 3. № 1. С. 52.

¹⁷ Герцен А.И. К старому товарищу / Собр. соч. в 30-и тт. Т. 20 (2). М.: АН СССР, 1960. С. 590.

человеческая свобода, т.е., прежде всего, европейской культуры, берущей начало у греков. Если философия творчески истощается, вырождается в псевдонаучный «треп», вытесняется на периферию культурной жизни, постепенно изгоняется из образования и просвещения, перестает быть лидером в общественном сознании, «властительницей дум», уступая это место религиозным проповедникам, политехнологам, журналистам, звездам шоу-бизнеса и прочим представителям так называемой массовой культуры, значит время этой культуры, действительно, закончилось и наступают совсем другие времена. Я не считаю такой финал неизбежным, но судить об этом можно будет по тому, какое место в нашей жизни займет философия и займет ли она его вообще»¹⁸.

Что возразить против этого по виду стоического, а по сути отчаянного вывода? Я согласен со своим собеседником в главном: философия есть форма самосознания свободно определяющего себя по отношению к миру субъекта. Если так, то судьба философии действительно зависит от того, существует ли такой субъект, обладает ли реальным содержанием его свобода. Как сфера размышлений о ценностях культуры она жива до тех пор, пока ей есть о чем размышлять. Признание того, что культурные (а не утилитарно-прагматические!) ценности перестали существовать, разумеется, означало бы конец философии (во всяком случае, конец ее истории, о чем приходится слышать постоянно¹⁹). Это означало бы и конец культуры.

¹⁸ Межуев В.М. Философия в системе знания о культуре // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. 3. № 1. С. 54.

¹⁹ См.: Свасьян К.А. Загадка истории философии (опыт антропософского прочтения "Загадок философии" Р. Штейнера) // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 179-190. Его же: О конце истории философии (Актовая лекция на IV Российском Философском конгрессе, 25 мая 2005 г.), Интернет-ресурс: <http://credonew.ru/content/view/507/30/>. Я помню, какое странное впечатление произвела на слушателей - профессиональных философов - эта лекция, особенно ее дразнящий вывод: исторический путь философии окончен, ибо философам больше нечего сказать культуре, которая не нуждается в философии (остается исследовать этот путь и искать причины его окончания). Одна слушательница, скорее всего, преподаватель философии, задала лектору во-

прос: «Так что же НАМ теперь делать?». Карен Ароевич широко развел руками.
²⁰ См.: Самс(хвалова В.И. Контурсы постдействительности // Полигнозис. 1999. № 2.

На ее месте было бы нечто иное, возможно, по инерции все еще называемое культурой, но это название — бирка, которую можно не замечать или сменить. Нечто — это, возможно, «посткультурная действительность»²⁰, хотя что она такое, никто толком сказать не может. В свое время О. Шпенглер (а у нас — Н.А. Бердяев) называли это «нечто» цивилизацией — формальной, отделившейся от «духа культуры», оболочкой человеческих действий и отношений. Такое разделение вызывало и вызывает критику (особенно, в англо-американской философской традиции), о справедливости которой надо говорить отдельно. В.М. Межуев такое разделение учитывает и, кажется, принимает. В универсуме цивилизации «свобода» человека — бегство от необходимости (эксцесс, произвол, бунт) либо экзистенциальное «подполье» психологических переживаний. Она утрачивает культурную природу.

В отличие от философии, наука в цивилизации уместна и естественна, поскольку апеллирует не к свободе, а к необходимости. Не только потому, что наука — основа техники, но и потому, что наука воплощает в себе рациональность, с которой может ужиться цивилизация — рациональность как эффективная машинерия, обслуживающая людские и социальные потребности, но низводящая к ним и ценности.

Парафразируя К. Ясперса, можно сказать, что цивилизация делит человека на рациональность без остатка. Цивилизация *пародирует* принцип классического рационализма: свобода есть познанная необходимость. Пародирует — потому что для классического рационализма необходимость и свобода совпадали в Абсолютном Разуме, а цивилизация ни в каком Абсолюте не нуждается, здесь необходимость совпадает не со свободой, а с «законами природы, открываемыми наукой». Свобода же — лишь отсутствие препятствий для осуществления тех или иных действий («негативная свобода»). Чтобы не наткнуться на эти препятствия и успешно маневрировать видами и способами своей деятельности, человеку нужны *положительные знания*. Наука и удовлетворяет эту потребность. Собственно, она и сама становится потребностью.

прос: «Так что же НАМ теперь делать?». Карен Ароевич широко развел руками.

²⁰ См.: Самс(хвалова В.И. Контурсы постдействительности // Полигнозис. 1999. № 2.

Философия свободы

Творчество, целеполагание, самовыражение, самосознание — все эти лики свободы преобразуются цивилизацией, становятся масками или напоминаниями о культуре. Превращение свободы в симулякр облегчает цивилизованную коммуникацию, сообщая ей оттенок ностальгии по утраченной, «ссохшейся», по выражению Н.А. Бердяева, культуре.

Вот почему теперь философией часто, слишком часто, называют то, что возвещает окончание культуры и наступление эпохи симулякров. *Такая философия* разоблачает «иллюзии» (свободы, творчества, духовности), но только для того, чтобы научить пользоваться ими, когда они для чего-либо нужны, и откладывать в сторону, когда можно обойтись и без них.

Что поделаешь, ведь в мире, где культура и свобода — симулякры, философия — такой же симулякр. Поэтому и культурная самоидентификация, которая, по идее, должна быть делом свободного выбора, также является симулякром и фикцией. И вот перед нами скорбный ряд симптомов, по которым приходится ставить диагноз: жалкая роль и незавидное место философии в культуре, отречение философов от своей культурной миссии (о последней все чаще говорят не иначе, чем с ухмылкой!), фиктивность культурной самоидентификации, *симулякризация* всех или почти всех культурных универсалий, не говоря уже о других, более конкретных приметах — падение ценности честного и креативного труда как свидетельство деморализации общества, пауперизация духа, явно выраженная в обесценивании самой жизни, вульгаризация религиозной веры, усреднение — на крайне низком уровне — якобы художественных вкусов (о чем с неким даже воодушевлением говорят как о наступлении «новой культурной реальности» некоторые современные мыслители). И так далее и тому подобное. Все это я называю «культурной катастрофой», главным симптомом которой является обесценивание самой *идеи культуры*²¹.

Так это окончательный диагноз или пока еще — алармистское предостережение? Кто ответит на такой вопрос? Уж конечно, не тот философ, который успокоился на отрицании значимости философии или занялся ее под-

делкой под науку, политику, идеологию или даже художественное самовыражение личности. Чтобы ответить, нужно взять на себя ответственность. Это не каламбур. Именно так: чтобы рассуждать о судьбе философии в культуре и судьбе самой культуры, философ должен признать, что он как-то отвечает за эти судьбы. А значит, исключить (хотя бы для себя лично) даже возможность симулякризованной философии. Вменить себе и ей подлинность.

Но как это сделать, если идти за констатациями, приведенными выше? Ведь в них философия рассматривается так или почти так, как она предстает в изображении ее могильщиков! В.М. Межуев, я думаю, слишком всерьез принимает эти изображения. Отчасти это и позволяет ему ограничивать свое рассмотрение философии только «в свете знания о культуре». Но приводит к оптической иллюзии. Освещенная таким светом, философия приобретает нарциссический синдром: с одной стороны, она предстает как «сугубо личное, экзистенциальное предприятие» в сфере мыслительной деятельности, а с другой стороны, само это предприятие обусловлено культурой, создающей его предпосылки. Философия как бы смотрится в зеркало культуры; если зеркало кривое, философия видит в нем свое уродство, которое болезненно контрастирует с красотой и величием, оставшимися в памяти философов. Гневаясь на зеркало, философия брякает его оземь. Но вместе с зеркалом исчезает и ее отображение. Глядя в пустоту, философия заключает о своем исчезновении. А затем и об исчезновении культуры.

Как сказал бы Воланд, «Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!». И еще бы напомнил: «каждому воздастся по вере его!». Философия исчезнет или выродится, если философы утратят веру в ее предназначение. И эту веру нельзя ставить в зависимость от зигзагов и кризисов культурной истории.

В чем же предназначение философии, в которое должен верить философ? Я думаю, нет резона сводить философию только на выражение уникально-индивидуального, в том числе экзистенциального, опыта. В этом — одна из линий отхода от универсализма философии классической поры, намеченная еще Кьеркегором. Вдоль этой линии шли и те, кому был чужд и даже отвратителен религиозный пафос датского философа, для которого отчаяние и духовное

²¹ См.: Порус В.Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 24-36.

страдание открывали путь к вере. Сейчас, кажется, настало время убедиться, что эта линия все же ведет в тупик, выражаемый заносчивой формулой «У каждого своя философия!». Но и былые претензии классической философии уже не приемлемы. В двадцатом веке было приложено немало усилий, чтобы всеобщность философского знания не трактовалась как «тотальность философского проекта»²². Но критиковать этот проект — не значит отказываться от него. Если, разумеется, не упрощать задачу философии и не сводить ее к намерению «из самой себя вывести абстрактные и всеобщие положения», чтобы затем любоваться исключительно их взаимосвязями и движениями²³.

Дело в том, что тезис «Философия есть форма самосознания свободно определяющего себя по отношению к миру субъекта» для того, чтобы быть верным, требует иного толкования ключевого в нем понятия «субъект». Иного в том смысле, что субъект — это не «духовная субстанция» или фиксированное состояние психики индивида, это процесс «самостоятельного» личности, ориентированный на культурные универсалии; это значит, что индивид проходит в своем духовном развитии путь, проложенный культурой, но проходит по-своему (свободно), уникальным, неповторимым образом, иногда сбиваясь с этого пути и возвращаясь на него, прорываясь вперед (опережая культуру) и откатываясь назад (восставая или бунтуя против культуры); культура же, испытывая на себе реакции индивидов, удерживает свои универсалии до тех пор, пока эти реакции не превосходят своим отрицанием силу культурного воздействия. В этом непрерывном взаимодействии осуществляется противоречивое единство (смысловая дополнительность) субъекта и культуры.

Если так, то философия есть душа этого взаимодействия. И его рационально-теоретическая

рефлексия. Здесь надо остановиться на двух эпистемологических трудностях²⁴.

В современной философии популярна идея о том, что рациональность — это не априорная характеристика мысли и действия (соответствие их некоторым критериям рациональности—логичности, последовательности, целесообразности и пр.), а то, что вырабатывается как условие достижения совместных целей в процессе коммуникации²⁵. Этой идее и соответствует представление о философии как выраженной в квазитеоретической форме технике взаимного общения и диалога. Трудность как раз и заключается в понятии «совместная цель». Ведь как часто бывает, людям только *кажется*, будто они совместно и свободно решают какие-то жизненно важные вопросы, а на самом-то деле эти вопросы либо вообще бессмысленны, либо решаются в регистре власти и подчинения, причем власть даже не озабочена тем, чтобы как-то маскировать манипуляцию сознанием граждан, создавая у них хотя бы иллюзию свободы, а обходится без этого реликта «публичной политики»? Тогда свобода — миф, а философия свободы — мифотворчество, и честная позиция интеллектуала как раз и заключается в том, чтобы развенчать миф и обнаружить никчемность философии.

Есть и другая трудность. Рациональная коммуникация непременно должна основываться на *общих принципах* (их невозможно подменить разновидностями «консенсуса» или «конвенциями»), которые могут и должны иметь теоретическое выражение. И это не только не отменяет, но, наоборот, предполагает наполнение этих принципов конкретным (практическим, культурно-исторически обусловленным) содержанием. Именно для того и необходим теоретический статус философии—чтобы это содержание не расплескивалось по безграничной плоскости бытия, а вливалось в формы, отлитые философским Разумом. Если это требование не выполнено, невозможно говорить о *рациональности*, само это слово становится пустым и излишним.

Обе эти трудности реальны. Кратко обозначу путь к их преодолению.

Формы рациональности не могут пониматься как нечто абсолютное, незыблемое. Здесь — па-

²² «...Строгое исключение всех - в традиционном смысле - онтологических вопросов, отказ от инвариантных всеобщих понятий, таких, к примеру, как понятие человека, от любых представлений о самодостаточной тотальности духа, в том числе от в себе завершенной «истории духа», концентрация философских вопросов на конкретных исторических образованиях, от которых философия не должна быть отлучена, - эти постулаты становятся уделом того, что прежде повсюду называли философией» (Адорно Т. Актуальность философии // Путь в философию. Антология. М., 2001. С. 345).

²³ Там же. С. 344.

²⁴ Конечно, их гораздо больше. Интересный разбор проблемных узлов, завязанных понятиями свободы и познания см. в: Невважай И.Д. Свобода и знание. Саратов: Саратовская государственная академия права, 1995.

²⁵ См.: Порус В.Н. Эпистемологический смысл коммуникативной рациональности // Вестник РГНФ. 2009. № 3. С. 80-88.

парадоксальная взаимосвязь между стремлением к устойчивости и универсальности (оправдываемых стремлением к объективности) этих форм, с одной стороны, и неизбежной (но столь же рациональной!) тягой за рамки этих форм, необходимым стремлением к изменению (иногда — разрушению) прежних и установлению новых. Этот процесс един, и ни одна из его сторон не может быть оторвана от другой. Собственно, он-то и составляет предмет философского исследования²⁶. В таком исследовании оформляется рациональное самосознание. Не самосознание отдельного *индивида* (социального атома), по наивности или из-за гипертрофированного самомнения объявившего себя философом,

и не абстрактно понятое самосознание *всеобщего субъекта*, а их совместно осмысленной сопряженности, осуществляющейся в парадоксальной свободе и вне такой свободы не существующей.

Философия и есть теоретическая форма этого осмысления. Поэтому («закольцовывая» рассуждения этого доклада) она всегда располагается в пространстве свободы: о чем бы ни размышлял философ, он в конечном счете думает о человеке, а следовательно, о культуре, суть которой составляет сложная структура ценностей. Свобода — важнейшая из них. Я бы даже сказал, что все прочие культурные ценности так или иначе соотносятся с ней, обретая в этом соотношении свой «онтологический статус».

Список литературы:

1. Адорно Т. Актуальность философии // Путь в философию. Антология. М.: Университетская книга, 2001. С. 335-349-
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур // Библер В.С. На гранях логики культуры. М.: Русское феноменологическое общество, 1997-
3. Герцен А.И. К старому товарищу // Собрание сочинений. В 30-и тт. Т. 20 (2). М.: АН СССР, 1960. С. 575-593-
4. Левин Г.Д. Свобода воли. Современный взгляд // Русский Гуманитарный Интернет-Университет. 2002 — http://www.i-u.ru/biblio/archive/levin_svobodavoli/.
5. Межуев В.М. Философия культуры. Эпоха классики. Курс лекций. 2-е издание. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2003.
6. Межуев В.М. Философия в системе знания о культуре // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. 3- № 1. С. 47-54-
7. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
8. Межуев В.М. Если человек не нуждается в свободе, то и философия ему ни к чему... // Новая газета. Научно популярное приложение «Кентавр». 2007. № 6.
9. Невважай И.Д. Свобода и знание. Саратов: Саратовская государственная академия права. 1995- 2⁴ с.
10. Порус В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки теории научной рациональности). М.: УРАО, 1999-132 с.
11. Порус В.Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 24-36.
12. Порус В.Н. Эпистемологический смысл коммуникативной рациональности // Вестник РГНФ. 2009. № 3- С. 80-88.
13. Порус В.Н. Культурная самоидентификация как проблема эпистемологии // Философия познания. К юбилею Л.А. Микешиной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 130-150.
14. Самохвалова В.И. Контуры постдействительности // Полигнозис. 1999- № 2. С. 20-38.
15. Свасьян К.А. Загадка истории философии (опыт антропософского прочтения «Загадок философии» Р. Штейнера) // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 179-190.
16. Свасьян К.А. О конце истории философии (Актовая лекция на IV Российском Философском конгрессе, 25 мая 2005^r -) — <http://credonew.ru/content/view/507/30/>.
17. Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 144-161.
18. Шохин В.К. Философии родительного падежа и междисциплинарные исследования: возвращение к дискуссии // Эпистемология & философия науки. 2010. Т. XXVI. № 4- С. 53-62.

²⁶ См.: Порус В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки теории научной рациональности). М.: УРАО, 1999. 132 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОЛОБУЕВ Алексей Викторович — ассистент кафедры философии Финансового университета при Правительстве РФ.

Тел.: +79164769777- E-mail: volobuev3@yandex.ru

ГОРЕЛОВА Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор Московского гуманитарного университета.

E-mail: gorelovata@mail.ru

ГУРЕВИЧ Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором истории антропологических учений Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Российского государственного торгово-экономического университета, главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение».

Тел.: (495) 697-89-96. E-mail: gurevich@rambler.ru

ДЕКЛЕРК Ирина Вячеславовна — аспирант кафедры социальной философии Смоленского государственного университета.

Тел.: (495) 649-40-55- E-mail: svet305@yandex.ru

ДЖЕКсон Майкл — новозеландский антрополог и этнограф.

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, академик Российской Академии Образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Тел.: (812) 269-57-58. E-mail: info@gup.ru

КЛЯГИН Николай Васильевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории антропологических учений Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Тел.: (495) 697-89-96. E-mail: klyagin09@rambler.ru

КОЗОЛУПЕНКО Дарья Павловна — доктор философских наук, доцент кафедры философской антропологии и проблем комплексного изучения человека философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Тел.: (495) 939-23-14- E-mail: petrovic@trtk.ru

МАХАМАТОВ Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Финансового университета при Правительстве РФ.

Тел.: +79031091538. E-mail: maktair@mail.ru

МИХАЛЕНКО Юрий Петрович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник — консультант Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Тел.: (495) 697-89-96- E-mail: mihalenco-y@mail.ru

МОРОЗОВ Виктор Васильевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского филиала Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы.

Тел.: (923) 300-61-48. E-mail: bhpublish@gmail.com

Философия и культура 7(43) 2011

МОЧКИН Александр Николаевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Тел.: (495) 697-91-89- E-mail: motshcina@mail.ru

НЕРЕТИНА Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Центр методологии и этики науки Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Тел.: (495) 69758-55- E-mail: abaelardus@mail.ru

ОЛЬХОВ Павел Анатольевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета.

Тел.: (961) 165-12-13. E-mail: pavel.olkhov@yandex.ru

ПОРУС Владимир Натанович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Государственного университета — Высшая школа экономики.

Тел.: (495) 772-95-9°- E-mail: vporus@rambler.ru

ПРОКОФЬЕВ Андрей Вячеславович — доктор философских наук, профессор кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Тел.: (495) 939-20-55- E-mail: avprok2006@mail.ru

РОЗИН Вадим Маркович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Тел.: (495) 697'43~36. E-mail: rozinvm@mail.ru

СУЛТАНОВА Мира Альтафовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории антропологических учений Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Тел.: (495) 697-89-96. E-mail: countercultmira@yandex.ru

УРСУЛ Аркадий Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии наук Молдавии, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Тел.: (499) 238-49-96. E-mail: ursul-ad@mail.ru